

Поздеев Вячеслав Алексеевич
г. Сыктывкар, ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
slavapozd@yandex.ru

ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА В СТАТЬЕ Н.А. ДОБРОТВОРСКОГО «ПЕРМЯКИ. БЫТОВОЙ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК»¹

Аннотация. В настоящем исследовании выявляется оценочная лексика Н.А. Добротворского в статье «Пермяки. Бытовой и этнографический очерк». В статье проводится определение общего функционально-семантического своеобразия оценочной лексики. Показано оценочное содержание в аспекте «положительная – отрицательная оценка» различных этно-бытовых черт пермяков. Автор, объективно описывая язык, быт, нравы, фольклор пермяков и русских, подмечает многие их недостатки и особенности. Таким образом, проявляется оппозиция «свое / чужое»

Ключевые слова: Н.А. Добротворский, пермяки, оценочная лексика.

Во время ссылки в 1879–1882 гг. в Орловский уезд Вятской губернии Николай Александрович Добротворский вел собирательскую работу, фиксировал различные факты из жизни орловских крестьян, пермяков, старообрядцев. Он подготовил несколько статей краеведческого, этнографического и фольклорного характера, которые были опубликованы в «Вятских губернских ведомостях», журнале «Вестник Европы». Большая часть его рукописных материалов хранится в Архиве РГО.

В 1882 г. им была написана статья «Пермяки. Бытовой и этнографический очерк». Очерк был отправлен в редакцию журнала «Вестник Европы», где и был напечатан в 3-й и 4-й книжках за 1883 год (№ 59). В то время это была первая и единственная статья о вятских пермяках.

Автор непосредственно наблюдал жизнь и быт орловских пермяков. В начале очерка Н.А. Добротворский отмечает, что «про-

---

¹ Публикация подготовлена в рамках плановой темы НИР «Поэтика фольклора народов Европейского Севера России в синхронии и диахронии» (рег. № 121051400044-2).

жив довольно долго среди пермяков, я коротко ознакомился с их языком, характером и нравами, и передаю здесь читателю свои наблюдения. Для полноты очерка я пользовался иногда и печатными источниками – разными беглыми заметками, разбросанными по местным изданиям, и указаниями компетентных лиц, близко знающих пермяцкую жизнь» (Добrotворский 1883: 228–229).

Автор статьи рассматривает в историческом плане расселение и этнические связи пермяков с другими народами этого региона. На наш взгляд, Н.А. Добrotворский довольно примитивно определял исторические корни и принадлежность пермяков финно-угорской группе, а также те процессы, которые проходили на данной территории в течение двух веков. Он писал: «Пермяки называют себя коми-войтыр; название же пермяков дано им русскими. Вместе с вотяками и зырянами они составляют так называемую пермскую ветвь большого финского или чудского племени» (Добrotворский 1883: 229). Сделав исторический обзор, автор приходит к такому выводу: «Было время, когда пермяки считались сильным и многочисленным племенем, когда они занимали всю почти Пермскую губ. и север Вятской; теперь их насчитывается всего-навсего 60 000 человек. Из них около 50 000 чел. живут в Пермской губернии, остальные в Вятской» (Добrotворский 1883: 239).

Эмоционально-оценочная лексика большей частью используется в связи с созданием эмоциональной окрашенности в разговорной речи и художественной литературе. В.И. Шаховский определял эмотивность как языковую категорию, которая представляет собой «имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики, отраженные в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции» (Шаховский 2008: 69). У эмотивности есть два плана: план содержания и план выражения, через них проявляются эмоциональные отношения или состояния говорящих: в статье присутствуют слова с уменьшительными и увеличительными суффиксами, как маркеры отношения и эмоциональной оценки. В публицистических и научных жанрах, в том числе этнографическом очерке, использование такой лексики вносит определенный эмоциональный оттенок и акцентирует внимание читателей на авторской позиции, а также на оценке тех или иных фактов.

Научный стиль не предполагает использование оценочной лексики, которая отражает авторское отношение к фактам, и может неоднозначно трактоваться. Тем не менее, Н.А. Добротворский в своей статье и в других записях, которые хранятся в Архиве РГО, использовал в некоторых случаях оценочную лексику (Поздеев 2022: 298–303).

Цель нашей статьи – выявить эмоционально-оценочную лексику в этнографическом очерке Н.А. Добротворского. Автор, используя такую лексику, сознательно или неосознанно давал оценку различным фактам жизни и быта пермяков.

Н.А. Добротворский – русский автор и не принадлежит к описываемому этносу, поэтому он передает свое отношение к виденному, фиксируемому, тем самым происходит своеобразное противопоставление «свое // чужое». Автор, используя сопоставление фактов с русскими реалиями, а также используя эмоционально-оценочную лексику, дает оценку быта, этнографических особенностей пермяков, живущих в пределах Орловского уезда Вятской губернии.

Уже в исторической части своего очерка автор отмечает ассимиляционные процессы: «Большая часть пермяков обрусела и смешалась с русскими; *сильнейшая* народность поглотила *слабейшую*» (выделено мной. – В.П.) (Добротворский 1883: 240). Далее в статье эмотивная лексика выделена курсивом. В лингвистике помимо эмотивной лексики используется термин коннотация, то есть эмоциональная, оценочная или стилистическая окраска языковой единицы. Выбор стилистически окрашенных слов «*сильнейшая*» и «*слабейшая*» народность в этом контексте включают яркий оценочный оттенок. Оценочность этих слов заключается не только в семантическом поле, но и в том, что субъективную оценку выражают суффиксы.

Автор, размышляя об уходе пермяков под «натиском» русских в более болотистые места Зюздинского края, говорит, что, естественно, они «здесь крайне *дичали*». Слово «дичали» несет отрицательные коннотации, неодобрительную оценку.

Рассматривая общие антропологические черты пермяков, Н.А. Добротворский выявляет особенности их речи, которая, по оценке автора, имеет особенности. «Говорит пермяк как-

то *лениво, вяло*, немножко нараспев, без всяких повышений и понижений в голосе и при том никогда не жестикулирует, если не считать постоянного почесыванья...» (Добротворский 1883: 252). Оценочное слово *лениво, вяло*, как правило, устойчива, поскольку возникает в результате того, что само значение этих слов содержит элемент неодобрительной оценки.

Антропологические описания пермяков у Н.А. Добротворского окрашены, он отмечает многие их недостатки. В сопоставлении внешности русских и пермяков Н.А. Добротворский тоже использует оценочную лексику. Так, пермяки: «*сухие, тощие*, с каким-то *грязно-желтым цветом кожи*», «*плоская, недоразвитая грудь, кривые, короткие ноги* – все это указывает на *слабость и хилость* сложения»; «*глаза узкие, подслеповатые*», «*выражения в них нет никакого, они вялы и безжизненны*»; «*щеки осунувшиеся, безжизненные*»; они «*придают пермяку свирепый и заносчивый вид*, хотя на самом деле едва ли в мире найдется такая овца, которая была бы так же *смирна и кротка*, как современный пермяк»; «*пермяк ходит мешкотно, неуклюже, по-медвежьи*, и при этом не размахивает руками, что всегда показывает или *тупую, или сосредоточенную, флегматичную натуру*» (Добротворский 1883: 251).

Также исследователь описывает «опермичивание» русских восточных волостей Слободского уезда, Харинской волости, Глазовского уезда и других местностей. Он использует также оценочную лексику при описании русских «*Мы находим у них тоже хилое недоразвитое сложение, тот же низкий рост, очертание лица с маленькими узкими, несколько наклонными глазами, и почти без всяких признаков усов и бороды; тот же неправильный угловатый череп с жидкими русыми волосами; тот же ленивый апатичный взгляд, вялую походку и медвежью неповоротливость*» (Добротворский 1883: 240). Вывод из этих наблюдений над взаимодействием этносов заключается в том, что внешние признаки этносов уже начинали стираться в то время.

Автор очерка, говоря о том, как пермяк преображается в лесу (лесование), использует эмотивную лексику с положительной коннотацией: «*Он оживляется, выходит из своей спячки и из неповоротливого, ленивого флегматика превращается в горячего, задорного сангвиника, из старика делается молодым; сгорбленный*

стан его выпрямляется, глаза *блестят*, походка *улучшается*» (Добротворский 1883: 554).

Особо много оценочной лексики Н.А. Добротворский использует в описании этнографических элементов быта пермяков. Использование такой лексики для русского человека объясняется тем, что многие традиционные, укоренившиеся привычки и стереотипы пермяков были непонятны и неприятны. Как отмечала Н.Д. Арутюнова, «для того, чтобы оценить объект, человек должен “пропустить” его через себя: природа оценки отвечает природе человека» (Арутюнова 1998: 180–181).

Описывая бытовые реалии пермяков, Н.А. Добротворский подмечает за внешними проявлениями сложившиеся стереотипы поведения. «*Грязь* на полу, на лавках, на полатях и везде вообще *непролазная*, потому что пермяки *неопрятны*, убирают и метут избу очень редко, а моют только один раз в год, на Илью пророка...» (Добротворский 1883: 243) или «...неизбежный жбан с квасом и хлеб, завернутый в *грязнейшую скатерть*» (Добротворский 1883: 242). Отмечая, что везде «*грязь непролазная*» в самом значении заключен элемент оценки.

Бедность природных ресурсов, земли сказывается почти на всей жизни пермяков, поэтому Н.А. Добротворский с сочувствием раскрывает особенности пищи пермяков, хотя и использует оценочную лексику, которая имеет опять же отрицательную коннотацию.

– о хлебе из ячневой муки: «приготавливают из этой смеси лепешки, твердые как камень и как камень же *невкусные и неприятельные*» (Добротворский 1883: 248);

– о пирогах из пикши: «вас обдаст таким *смрадным, невыразимо-едким запахом разлагающегося трупа*, что вы невольно отшатнетесь; это значить пермячка готовит пироги из пикши» (Добротворский 1883: 249);

– о кислом молоке: «Один вид этого молока приводит свежего человека в *содрогание и ужас*, но пермяки находят, что оно *очень хорошо и вкусно*, и с большой охотой едят его» (Добротворский 1883: 249).

Эти слова, обозначающие бытовые предметы, оцениваются как с положительной, так и с отрицательной стороны. В этом раскрываются отношение и оценка русских и самих пермяков.

Описывая одежду пермяков, Н.А. Добротворский тоже подмечает отличительные черты их, сопоставляет с русскими: их «*костюм незатейлив...*»; «*коловзедч девушки – лучшая и красивейшая часть костюма пермячки*»; «*Издали он кажется венком из белых полевых цветочков и придает лицу пермячки благородное выражение невинности и простоты*» (Добротворский 1883: 247–248).

В стереотипах поведения Н.А. Добротворского поразило то, что «*вообще же одежда пермяков – и женщин и мужчин – неприятно поражает своею неопрятностью и нечистотой*. Тем же достоинством отличается и одежда мужчин, на которую порой бывает просто *страшно* взглянуть, до того она пропитается салом, кровью и грязью...» (Добротворский 1883: 248).

В характере пермяков видна какая-то *забитость и пришибленность*. Они *робки, трусливы, скрытны и неразговорчивы*. Пермячка – баба *расторопная и сметливая*, и не нуждается в советах и руководстве.

Также акцентирует внимание автор на том, как сами пермяки называли себя: «*бедными, несчастными*». «*По собственному сознанию пермяков, они стали больно жидки. И действительно жидки. Редкий из них доживает до 50 лет*». В этих словах автор приводит оценку самих жителей, но с несколько уничижительным оттенком.

Приводит примеры, как русские говорят о пермяках. Сопоставляя русских и пермяков, автор очерка приводит оценочные пословицы: «*Народ там муха. Светлого народу там нет, изродился*»; «*Не толкни пермяка под бок – он и на двор не сходит*»; «*Пермяк в работе черта сломит, только бы ему приняться*», «*пермяк за пермяка – что бык за быка*». Сами о себе пермяки говорят: «*Ячмень у нас всему голова*», «*Пермяки больно пить люты!*», «*баба всегда в горшке черта держит, с ней не разговаривай*», «*Куда уж нам? – Не срушны. Нас муха и та крылом зашибить может*. «*Кабы мы не пермяки были...*» в этом плане Н.А. Добротворский отмечает, что «*не то насмешкой над собою, не то грустью звучат эти слова – не разберешь хорошенько*» (Добротворский 1883: 256).

«*У них как драка, так и покойник, – отзываются русские: – потому не по любви они дерутся, а по злобе*» (Добротворский 1883: 258). В пьянстве пермяка «*овладевает в это время какая-то дикая злоба*» (Добротворский 1883: 257).

При поиске коня, который гуляет по окрестным лугам и лесам, «пермяк обнаруживает удивительное терпение и настойчивость, изумительное знание леса и уменье» (Добротворский 1883: 552).

Представления пермяков о духовном мире отличаются крайней «грубостью и чувственностью» – таковы наблюдения автора. Речь пермяка тоже стала объектом описания. Так Н.А. Добротворский отмечает: «Язык пермяков крайне беден и неблагозвучен», пермяки часто используют русские слова «они-то отчасти и восполняют скудость их собственного языка» (Добротворский 1883: 252).

О фольклоре пермяков Н.А. Добротворский говорит тоже используя оценочную лексику: «напев песен отличается монотонностью и однообразием», сказки «не богаты поэзией и не блещут цветами фантазии и творчества: они; вялы, безжизненны и неуклюжи» (Добротворский 1883: 252). Приводит Н.А. Добротворский и пермяцкую пословицу о свадьбе «молодая к воротам – и приданое там» (Добротворский 1883: 563), также отмечает особенности исполнения танца на свадьбе и приводит перевод текста песни: «В танце этом нет живости и энергии; все двигаются, будто манекены по проволоке, с пунктуальной, размеренной точностью. Жестикуляции никакой; руки у всех опущены по швам, головы держат неестественно прямо. Песня, под которую производится танец, поется по-пермяцки и составляет, кажется, единственную собственную песню пермяков. И Боже, что это за песня! – простой набор слов, лишенный всякого смысла и содержания. Вот ее точный перевод: «Куда пошел, молодец (вон)? В лес, в лес, в лес. Там пихты стоят, там ели стоят, – мне хочется идти туда; пусти меня, отец, пусти меня, мать, – мне хочется идти туда. Видел там коня, видел черногривого. Мне не нужен конь, я пешком дойду. Хорошо меня угостили, денег ничего не взяли, ярушников много дали. Я ел, ел – сыт стал; медведь ел, ел – не доел, а собака пришла, взяла и съела» (Добротворский 1883: 564).

Механизмы языкового выражения эмоций и языкового обозначения в статье Н.А. Добротворского различны, так как связи языковой оценки осложняются отношением говорящего к называемым явлениям жизни, быта обычаев, которые, с одной стороны, интересны исследователю, а с другой стороны – он их сопоставляет с «родными, национальными». Описание и использование оценоч-

ной лексики у Н.А. Добротворского отражает национальное, социокультурное, но в большей степени научное описание фактов. Автор очерка хотел объективно зафиксировать состояние различных этносоциальных особенностей пермяков на то время, но субъективные оценки не могли быть исключены в его фиксациях и тем самым отразили оппозицию «свое / чужое».

Литература и источники

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1998. – 896 с.

Добротворский Н.А. Пермяки. Бытовой и этнографический очерк // Вестник Европы. – 1883. – Кн. 3. – С. 288–265; – Кн. 4. – С. 544–581.

Поздеев В.А. Своеобразие использования эмотивной лексики в русских заговорах // Актуальные проблемы удмуртоведения в контексте компаративистики, когнитологии и типологии языков, литератур и фольклора: Сборник статей. – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2022. – С. 298–303.

Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: Монография. – М.: Гнозис, 2008. – 414 с.